

Социальные реалии вчера и сегодня

1992 г.

Б.М. ФИРСОВ, И.Г. КИСЕЛЕВА

СТРУКТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ РУССКИХ КРЕСТЬЯН КОНЦА XIX ВЕКА

(опыт этносоциологического изучения)

ФИРСОВ Борис Максимович — доктор философских наук, директор Санкт-Петербургского филиала Института социологии Рос АН. Неоднократно публиковался в нашем журнале. КИСЕЛЕВА Ирина Георгиевна — младший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института этнологии и антропологии Рос АН. В «Социологических исследованиях» публикуется впервые.

Введение

Авторы статьи видят свою задачу в том, чтобы привлечь внимание социологов к такому важному, но малоизвестному источнику социальной информации рубежа XIX—XX столетий, каким являются и в наши дни собранные программным методом материалы Этнографического бюро В.Н. Тенишева.

Оно было создано под конкретные программы, автор которых — сам основатель. Одна из них — «крестьянская» — была успешно реализована [1], а вторая, направленная на сбор сведений о «городских жителях образованных классов», осталась в качестве проекта [2].

Тенишевская «крестьянская» программа была ориентирована на получение самых обширных сведений о жизни крестьян центральных губерний России. В языке программы эти намерения выразились в вопросах, охватывающих и характеризующих: физические природные свойства крестьян; местные условия их жизни; общие указания об образе жизни крестьян; общественные установления, обычаи или законы, регулирующие отношение крестьян к обществу; отношения крестьян между собой и к посторонним лицам; верования, знания, язык, письмо и искусства; семью и обычный порядок жизни; сближение полов, брак и отклонения от законного брака; рождение детей, их воспитание, обучение, доведение до самостоятельности; поведение крестьян в неординарных обстоятельствах.

«Крестьянская» программа, безусловно, представляет собой попытку преодоления относительной узости, ограниченности сферы этнографического изучения, характерной для того времени, ориентированности этнографии на связь с диалектологией и историографией, тогда как требовался уклон в социально-экономическую сферу.

Программа, включающая 491 вопрос, охватила всю «вселенную» крестьянского быта. Она была разослана штатными сотрудниками Этнографического бюро в многочисленные уезды (через епархиальные, народные училища и по другим каналам) 23 губерний центральной России. Отклик на предложение поделиться

наблюдениями за жизнью крестьян-великороссов был по тем временам широким (чему, возможно, немало способствовал впервые введенный В.Н. Тенишевым принцип материального вознаграждения добровольных корреспондентов). Около 350 человек [3] — лица духовного звания, семинаристы, народные учителя, представители сельской, волостной власти, земские чиновники и небольшое число образованных крестьян — стали временными сотрудниками бюро. В процессе сбора информации возникали трудности как объективного, так и субъективного характера. К числу первых можно отнести уровень грамотности, образованность, которые в значительной мере определяли число потенциальных корреспондентов и качества сообщаемых ими сведений. В свою очередь, не могли не влиять на содержание ответов такие субъективные факторы, как мировоззрение корреспондентов, их жизненный опыт и готовность к сотрудничеству. Управление корреспондентами на расстоянии при отсутствии регулярных контактов с ними не могло не сказаться на территориальной представительности первичной информации. Пытаясь преодолеть эти трудности, В.Н. Тенишев и его сотрудники предприняли ряд мер, одной из которых было письмо-инструкция (своеобразный регламент отношений между корреспондентами и бюро). Она рассылалась наряду с программой и содержала призыв к добровольному сотруднику «постоянно помнить, что от него требуются факты, а не обобщения или выводы; поэтому к вопросам программы необходимо приурочить только отдельные частичные наблюдения, поставив себя в положение достоверного свидетеля о виденном и слышанном в народном быту» [1, с. 7]. В соответствии с этой инструкцией требовалось также при ответах на некоторые вопросы (например, из глав «Преследование преступлений» и «Суд и расправа») кроме прямых наблюдений приводить подлинные разговоры и суждения крестьян, если таковые являлись типичными по своей характерности и высказывались в неприкрытой естественной обстановке. Такое же требование распространялось на сведения, сообщаемые по разделу о верованиях и знаниях крестьян, с тем, чтобы кроме наблюдений над конкретными проявлениями (собственно обрядами, суеверными действиями) корреспонденты расспрашивали самих крестьян о том, как они относятся к тем или иным жизненным явлениям и событиям. И в заключение предписывалось, чтобы при сборе сведений разговоры крестьян между собой их рассказы и ответы записывались корреспондентами и передавались в подлинных словах, «а по предметам, облакаемым в форму письменных документов (напр., решения волостных судов, постановления сельских сходов, договоры о найме, аренде земли и проч.), такие документы сообщались в подлинниках или снимались копии с них» [Там же, с. 7—8]. Забегая вперед, скажем, что заботы о качестве получаемых сведений полностью оправдали себя.

По некоторым разделам в ходе сбора материала программа детализировалась. В дополнение к уже изданным тенишевским программам, составлялись специальные анкеты по разделам, которые, вероятно, представляли наибольший интерес для владельца бюро. Нам удалось установить, что уже в 1898 г. бюро распространило анкету под названием «Уголовно-правовые воззрения русских крестьян», в которой предлагалось ответить на 23 вопроса. Правда, в отличие от вопросов основной программы, они не были развернутыми и носили скорее назывной характер [4]. В 1900 г. сотрудники бюро подготовили анкету из девяти вопросов (с целью детализации вопроса N 473 основной программы) по теме «Болезни и их лечение» [5].

Забывая об объеме и полноте получаемых сведений, владелец бюро стремился столь же ревностно к справедливой оценке их содержания, а также точному соответствию полученных ответов поставленным вопросам. Приобретая материалы в свое распоряжение, В.Н. Тенишев поступал как рачительный хозяин, знающий цену копейке, и требовал от своих штатных сотрудников скрупулезной оценки достоинств рукописей. Качество сообщаемых сведений дифференцировалось размерами денежного вознаграждения. Гонорар за отдельные рукописи составлял от 15 до 30 руб. с печатного листа (35000 букв), смотря по достоинству материала;

за копии с документов платили меньше — от 5 до 10 руб. с печатного листа. Правила расчетов с корреспондентами были очень строгими, если не сказать суровыми. Объем принятого текста (он складывался в результате производимой сотрудниками бюро экспертизы рукописей, текстуальных сокращений, ликвидации повторов и необходимой с их точки зрения стилистической правки) исчислялся с точностью до буквы, а гонорар — с точностью до копейки. Эта строгость кажется оправданной, если принять во внимание общий размах дела: известно, что в целом содержание Этнографического бюро обошлось его владельцу в 200000 рублей, сумму весьма крупную для того времени [6].

Приобретая рукопись, Этнографическое бюро получало право пользоваться ею по своему усмотрению. При вычитывании сотрудники текстуально сокращали и стилистически правили рукописи, а затем уже перепечатывали их на пишущей машинке. Это послужило основанием для высказываний отдельных исследователей о направленной смысловой обработке рукописей и «желании затушевать социальные противоречия» [3]. Наш опыт изучения контрольной выборки дел по Владимирской губернии позволяет ослабить тон подобных высказываний. Действительно, в частных случаях рукописи не только правили, но и редактировали. Например, при чтении оригиналов можно обнаружить следы купюр, появившихся в результате личных пристрастий и точек зрения сотрудников бюро. Последние, среди которых были такие талантливые ученые и писатели, как С.В. Максимов, Н.Н. Попов и другие, стремились лишь «сжать» текст оригинала, убрать повторы, устранить тавтологии, но поступали при этом бережно по отношению к языку и содержанию оригинала. Впрочем, формально оправданная корректура и текстуальные сокращения, чего бы они ни касались, в ряде случаев «обескровили» итоговые машинописные копии. Именно по этой причине мы пользовались оригинальными рукописями, а не их редакторским машинописным вариантом.

Итогом двух с небольшим лет работы (1898—1900) Этнографического бюро стало богатейшее собрание рукописей в количестве 1 844 единиц, которые хранятся ныне в архиве Государственного музея этнографии народов СССР. Число машинописных копий несколько больше и составляет 2 356 единиц, что объясняется частично редакторским дроблением больших рукописей, частично — отсутствием оригиналов некоторых машинописных копий. По сведениям же самих сотрудников Этнографического бюро, было получено в общей сложности 3492 рукописи [7]. Причины столь значительного численного расхождения нам не совсем ясны. В отдельных случаях рукописи, не представлявшие интереса или содержавшие материал, выходящий за рамки программы, возвращались их авторам. Кроме того, отдельные оригинальные рукописи оказались в собраниях других архивов [8]. Во всяком случае идея была успешно реализована. Непосредственный заместитель В.Н. Тенишева и руководитель Этнографического бюро в его отсутствие П. Кашинский признавался: «Изучение народного быта при посредстве случайных добровольцев, жителей нашей нищей культурными силами деревни всегда казалось мне опытом, выражаясь корректно, рискованным. Однако, я ошибся. Рукописи, принадлежащие полуинтеллигентным сотрудникам, наиболее интересны, они более цельны в изображении быта и полны оригинальных подробностей... Будь задача исследования великорусской деревни поручена ученым специалистам, работа выиграла бы в систематичности и шаблонной научности, но бесконечно много потеряла бы в оригинальности замысла и жизненной правде» [9].

Преждевременная смерть в 1903 г. помешала князю Тенишеву осуществить главный замысел, ради которого он затеял грандиозное по тем временам этнографическое предприятие: двухтомный труд под названием «Быт великорусских крестьян-землепашцев». Группировка и систематизация рукописей по разделам и параграфам программы была начата еще при жизни князя и велась постоянно. Сотрудники бюро не механически распределяли рукописи по вопросным пунктам, а «связывали разрозненные лоскутки-факты в одно стройное целое» [10]. В результате появлялись сводки материалов по параграфам программы, например, «По-

верья, сказки», «Клады», «Великорусский водяной», «Погребальный обряд» [11], которые затем должны были составить главы задуманной Тенишевым книги. Имеется ее подробный план с перечислением обязательных приложений в виде рисунков и фотографий [12].

Желая подтвердить высокую научную ценность и репрезентативность материалов Этнографического бюро, авторы настоящей статьи предприняли анализ 5% сплошной выборки дел по Владимирской губернии, итог которого — рукопись, названная в память незавершенного труда князя «Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов Этнографического бюро В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губ.)». Анализ показал, что программа (вопросы) и ответы достаточно качественно и количественно взаимно соответствуют. Таким образом, замысел князя не разошелся с реализацией, намерения во многом воплотились в «запрограммированную» информацию.

На 491 вопрос «крестьянской» программы корреспонденты Владимирской губернии сообщили 1 379 ответов. Полученными ответами «закрыты» все разделы и в принципе все подразделы (главы) программы. Среднее количество ответов на один вопрос равняется 4,5. Этот показатель заметно варьирует при переходе от раздела к разделу, но вариации вполне естественны. Ведь весьма различными были удельные веса разделов в программе, еще заметнее различались познаваемые объекты. Имело большое значение и то, насколько близкими или удаленными от конкретной сферы крестьянского быта были жизненный опыт и знания корреспондента. В итоге возникли заметные колебания «плотности информации» внутри разделов программы, и, как следствие, относительный «переизбыток» сведений по одним проблемам (сторонам) жизни крестьян (примером такого рода может служить раздел «Верования, знания, язык, письмо, искусства»), и «дефицит» по другим. Но общего положительного результата реализации программы этот недостаток не умаляет. Сейчас рукопись готовится к печати в Санкт-Петербургском филиале французского Издательства Европейского Дома.

Ниже следуют отдельные «сюжеты» из жизни крестьян Владимирской губернии. Их выбор обусловлен не столько полнотой материала по разделу (хотя этот показатель тоже учитывался), сколько конкретными научными интересами этносоциологии. Все приведенные сведения получены из ответов на вопросы программы В.Н. Тенишева [13] соответственно ее разделам. Авторы, пройдя по стопам сотрудников Этнографического бюро, постарались представить эти сюжеты как «стройное целое», сохранив по возможности лексику и манеру письма корреспондентов.

Физические природные свойства крестьян

Крестьяне росту среднего с открытым взглядом, ровной самоуверенной походкой. Борода большая, окладистая, волосы длинные, стриженные в кружок. Мужчины к тому же сильные, крепкие, сухощавые, симпатичные, в выражениях глаз — энергия, ум, смелость. Тип великорусский. Мужиков с придурью, идиотов и полудиотов нет. Женщины красивы. У них смелый, независимый взгляд, черты лица правильные, здоровый вид как и у мужчин.

Сила крестьянская: во время луговых работ две девки или бабы могут унести копну сена не менее 15 пудов. Выносливостью и силою тем более отличаются мужчины. Например, при работе на пароходах свободно переносят грузы весом 10—12 пудов. Мужчина свободно несет с берега на пригорок груз весом в 4—5 пудов. Правда, встречаются и «мякони» — рыхлые натуры, не выдерживающие продолжительных работ, но их немного.

Другой корреспондент добавляет: крестьяне физически сильны, проворны, ловки. Особо подчеркивается здоровье. Зрение и слух хорошие. Из двухсот семейств села Петракова Владимирского уезда в конце прошлого века страдало близорукостью одно. Очки, если и носят, то начиная с 50—55 лет. Слепых мало: один

мужчина на 737 мужских душ и одна женщина — на 649 женских. Глуховатые встречались чаще, даже среди молодых.

Жару переносят хорошо, к холоду малочувствительны по причине регулярного закаливания с детства. Сами крестьяне этот факт объясняли тем, что «кожа толще». В тридцатиградусный мороз мужчины ходили в тулупе нараспашку.

Отношения крестьян между собой и к посторонним лицам

Крестьяне горды: в этом сходится между собой большинство корреспондентов, кто отвечал на вопрос о стремлении крестьян возвысить свое положение. Прежде всего ГОРДЯТСЯ лавкостью и силой. Находясь на заработках, часто «из похвальбы» надрываются, когда берутся таскать непосильные тяжести. Но это чисто внешнее. Гордость крестьянина связывается со знанием дела — хороший склад у мельника, ремесло у портного. Через это крестьянин стремится к достатку, предпочитая хороший дом и скотину всякому иному богатству. Потому более всего крестьянин будет горд хорошей лошадей и упряжью, нарядной одеждой, продавая из-за этого зачастую самое необходимое (лес и даже хлеб). Иначе говоря ведущая ценность — зажиточность, уважение перед нею и самоудовлетворение, если удалось к ней приблизиться. Посему с потерей имущества зажиточный крестьянин теряет кредит, уважение окружающих. Такой человек превращается в угнетенное существо и начинает пить.

Накапливать на богатство в деньгах не принято. Плюшкины конечно же есть, но их немного. Лишь у двух крестьян одного из сел Владимирского уезда лежали деньги в сберегательной кассе, соответственно 200 и 500 рублей. Остальные залежными деньгами не располагали. Даже на крупные расходы (уплата податей, свадьба) денег крестьянин копить не станет, а продаст скот, хлеб, в случае надобности — одежду. К тому же редко станет прибегать к займу. Владельцы залежных денег «одолжать не охотятся»: трудно на совесть верить. Впрочем, предоставим слово крестьянину. «Иной богат, по-крестьянски известно, а видимость показывает как бы обыкновенную... ну его и заметно, что с капиталом человек. А другой любит „чиво“ (широко. — *Б.Ф., И.К.*) жить: коли завелись лишние деньжонки, он норовит либо избу перестроить... али одежи семье нонешней, модной нашить, али лошадь и упряжку новую справить».

При этом не наблюдается подобострастия в отношениях основной массы крестьян с богатыми. Эти отношения не выходят здесь за рамки «общекрестьянских». Правда, при встречах богатого и бедного, последний снимает шапку и кланяется, в то время как богатый только приподнимает свой головной убор. Здесь сказывается то, что умные нажить копейку служит в глазах местного населения мерилom ума, характера и вообще достоинства человека. Подобное приветствие бывает и при встрече с особо почитаемыми представителями власти. Но раболепства ни в какой форме нет.

Встречи людей одного достатка сопровождаются одинаково вежливыми приветствиями. Во всех случаях, когда экономическая зависимость отступает на второй план, а то и вовсе исчезает, торжествует вежливость. При встречах крестьяне кланяются друг другу, снимают шапки, называют друг друга по имени-отчеству. Невестка, вступающая в дом мужа, по обычаю величает именем-отчеством братьев и сестер — малолетних деверей и золовок. В деревнях Суздальского уезда золовка, живущая первый год, благодарила за хлеб-соль отдельно каждого члена семьи, за исключением мужа, причем величала по имени-отчеству всех, в том числе и грудных младенцев; так продолжалось в течение примерно месяца после свадьбы, пока невестка не «заработает себе на хлеб».

Особый ритуал был связан с гостями. Чувство уважения к гостю отразилось и в формах обращения к нему. При приеме гостей полагалось произнести: «Спа-

сибо за хлеб, соль, будьте здоровы Гаврил Иванович и Авдотья Митревна!». В ответ полагалось сказать: «Не видали хлеба-соли, милости просим, беседуйте!». При приглашении в гости говорили: «Гуляйте к нам!». При потчевании чаем или вином: «Получайте свою долю, занимайте свое место». И, наконец, при потчевании сластями хозяйва произносили: «Позабавьтесь!». Беседы людей равного положения были как правило ласковыми и уважительными. «Презрительная и высокомерная» тональность характерна для отношений богатых к беднякам.

В более широком смысле *уважение приобреталось* гостеприимством, ссудой денег в долг. Взаимопомощь в труде считалась нормой повседневности. Источники презрения — скудость, распутство и пьянство.

Равенство людей одного имущественного положения нарушалось отношением к женщине. Мужчины считали себя выше женщин, которые должны были оказывать им знаки почитания: встречаясь кланяться первыми и не переходить дороги.

Обычный порядок жизни

Главная черта повседневности, домашнего, семейного быта и жизни в целом — наполненность трудом. Дел по горло, пишет о крестьянах один корреспондент и приводит в доказательство своего мнения слова одного из них: «Если бы у кошки лапки были, ей бы дельце дал». Другой корреспондент — священник погоста Ильинское-Телешево Шуйского уезда Якиманской волости, отец Федор Казанский — поступает иначе. Он приглашает читателей увидеть, как прошел будничный день крестьянской семьи, состоящей из хозяйина — Ильи, хозяйки — Матрены, старшего сына — Якова, снохи — Алексеевны, младшего сына — Василия, дочери — Дарьи, троих внучат, сыновей Якова, старший из которых — Ванька — ходит в школу. Взрослые дети Ильи и сноха — к тому же «фабричные».

Первый раз все взрослые просыпаются в 2 часа ночи. «Фабричные» вскоре уходят на работу, а Илья и Матрена спят до 5 утра (Илья добирает сон на полу, предварительно положив Петьку, который закатился под лавку, рядом с собой). Утренний завтрак деда и бабки с внуками: горячая картошка, хлеб, чай, куски ватрушки. За столом идет разговор о предстоящих дневных работах. Старший внук благодарит стариков за чай и сахар, часть сахара кладет сверху блюда, берет сумку, книги, пирог, бутылку с квасом и уходит в «училище». Илья везет дрова в город для продажи лесоторговцу. Сажень дров стоит 2 руб. Матрена боится, что Илья половину этих денег пропьет, упрекает: «Мне-то что, хоть все пропей, — не себе рачу! Не видишь, что сноха-то обносилась, да и обувь всем к зиме-то нужна...». Илья ворчит, но возвращается через два часа, трезвый, и отдает Матрене деньги, завернутые в бумагу. Накрывают на стол, вскоре входят «фабричные» (они работают понедельно: то с утра до обеда, то с обеда до 10 вечера) и произносят: «Здорово, батюшка! Здорово, матушка!». Обедают щами, кашей. Сыновья затем принимаются за домашние дела, сноха стирает, Дарья вышивает рубаху брату Василию («Грудь братчику вышиваю, нынче у всех вышиты так — мода»), Матрена рубит хворост, а Илья, немного отдохнув («Надо полежать, пока щи по ногам разойдутся»), отправляется снова на заготовку дров. В 6 часов вечера пьют чай из самовара, мужчины разговаривают о фабричных делах. Вскоре ужинают и ложатся спать. Все спят, кроме Матрены, которая убирает посуду после ужина.

Семья: отношения вокруг собственности

Имущество (дом, пристройка, скот, корм, хлеб, посуда, запасы провизии) считается общим достоянием семьи и продаётся с "общего согласия" или по совету хозяина с хозяйкой. Самовольная продажа этого имущества (если даже оно было неожиданно хозяином пропито) не может быть причиной для открытых упреков

младших членов семьи. Высказать недовольство в этом случае вправе лишь хозяйка дома.

Члены семьи могут иметь личную собственность, каковой, к примеру, является приданое или наследство, полученное невесткой после смерти ее родителей. Личная собственность каждого члена семьи — «хорошая» одежда т.е. праздничная, в отличие от повседневной, которой пользуются все взрослые члены семьи. Например, часть зимней одежды (тулуп) заводилась на всех. В бедных семьях бывало и так, что всем семейным одновременно в церковь не выйти, если в наличии один кафтан, да одна шуба.

У каждого члена семьи есть сундук или «коробка» с личными вещами. У хозяйки имущество в «приданом» сундуке, там хранятся одежда, холсты, «залежные» (общие с мужем) деньги, а также «похоронная» (материал для савана, белья) для себя и мужа. У снохи свое содержимое коробки. Помимо приданого лежат деньги, скопленные «тихомольно», путем утаивания 1—2 рублей при ежемесячной «дачке»; тут же припрятаны платки, ситец, чулки, кружева, а то и книги, которые родители считают «пустяковиной». Обновы, сделанные на деньги, скрытые при дачке, никого не удивляют. Многие накапливают таким путем до 300 руб., чтобы было с чем отойти от отца. Ключи от сундука носят на поясе. В сундук посторонний не попадет, да и делать этого не станет. В коробках у девиц наряды, ленты, канва, нитки. Теперь у каждого свой полный костюм, а таких случаев, чтобы одни сапоги были на двух или трех членов семьи, теперь нет. Иметь личную одежду и обувь позволяют заработки на фабриках.

Отношения между родителями и детьми

Дети начинают помогать родителям, начиная с 10—12 лет. Работают до крайности. С того момента, когда дети начинают «добывать» (приносить деньги в дом), они считаются работниками и помощниками. Это — первое правило.

Второе правило. Только старость или болезнь заставляют крестьянина сидеть дома. В таком случае забота о прокормлении родителей ложится на детей. Прогнав от себя родителей, сын обязан дать содержание. Мир (о нем речь ниже) присуждает родителям по 2 руб. в месяц от каждого из сыновей, если их несколько, либо по 3 руб. в месяц при наличии одного-двух сыновей. Существует убеждение, что Бог наказывает за неуважительное, грубое отношение к родителям. Считается также, что наказание за непочтительное отношение к матери будет сильнее, чем за таковое к отцу. «Проклятие матери так сильно, что и земля не принимает проклятого.» Стариков кормят, хоронят, поминают.

Правило третье: сын без согласия родителей не может уйти из дома. За самовольный уход от отца сын подвергается наказанию волостным судом. В одних местностях (Меленковский уезд) отец вправе выгнать сына из дому, в других (Владимирский уезд) обычай таков, что отец по своей воле и без причины не может прогнать сына. Но это не меняет сути дела: власть родителей распространяется и на взрослых детей.

Правило четвертое: обязанностью родителей является кормить детей, учить их страху Божию, знакомить с сельским хозяйством, приучать к ремеслу, заботиться об их будущем (выдавать замуж, женить), исправлять пороки, направлять поступки.

Сближение молодых людей

Каждый парень не моложе 17 лет выбирает себе девушку, выбор свободен; если же парень придется не по нраву, то девушка может «не стоять» с ним.

Девушки ценят в парнях силу, ловкость, умение красноречиво говорить и играть на гармонии. Одежда также играет не последнюю роль. Эталон красоты парня: гордая поступь, смелый вид, высокий рост, кудрявые волосы. Эталон

красоты девушки: плавная походка, скромный взгляд, высокий рост, густые волосы, «полнота, круглота и румянец лица». Также ценят парни в девушках смирение, доброту и хозяйственность. Выделился Суздальский уезд. Красота в девице не главное. Главное — это рост, толщина девки. Потому, чтобы казаться выше и толще, набивают соломы в сапоги, надевают побольше одежды. Там же и в парнях ценят особо рост, дородство и свежий цвет лица. Похвала жениху: «Какой у тебя, Дуняха, жених-то, ровно бык здоровый, большой, краснорожий!».

Сближение молодых людей происходит особенно заметно летом. Встречаясь на улице, ходят попарно, ведут беседы. Это и называется стоянием. Под ухаживанием понимают предпочтительное внимание к отдельной девушке, поднесение ей гостинцев. В свою очередь, и девушка своему избраннику дарит носовой платок, а он подносит ей колечко. Вечерами парни и девицы любезничают наедине, каждая девушка со своим «игральщиком». Ухаживания сопровождаются некоторыми вольностями — «хватаниями», намеками, но ухажеры платьев не поднимают. Честь девушки ценится высоко, поэтому лишение невинности считается позором, хотя опозоривший не несет за это никакой ответственности. Но все же наблюдается упадок нравственности, особенно на фабриках, когда ночью допускаются «безобразные вольности». Родители смотрят на «вольности» детей по-разному. Отношение одних самое безразличное, в иных случаях сами посылают детей на «гульбища». Некоторые родители загоняют молодежь еще в сумерки, другие снисходительны: «сами так гуливали».

Что до вступления в брак, то оно считается необходимостью. Человек должен тогда помереть спокойно, когда произведет подобного себе и непременно в законном браке. Сожительство в народе почитается за грех. С понятием о брачном союзе связывается чаще всего и намерение определить молодежь, «обстепенить и обсеменить», чтобы она «зря не болталась».

Брачная жизнь

«Муж есть кормчий, а жена судно» — говорит народная пословица. Он обязан не только кормить, но и полностью содержать жену: одевать, обувать, «дать помещение и топить его». Жена, в свою очередь, должна знать второе место в доме, почитать мужа как главу семьи и хозяина и вести все хозяйство. Но это правило, по замечанию одного из корреспондентов, может быть нарушено при неравном браке — муж беден, а жена из зажиточной семьи — тогда глава семьи в зависимости от своей «половины» и вынужден угождать ей.

Власть мужа безгранична при полном повиновении жены, однако права «живота и смерти» муж не имеет. Мужья часто бьют жен, особенно под пьяную руку, но если доходит до увечья, то несчастная может обратиться в волостной суд, а народное мнение по этому поводу таково: «Коли вздумал уцять, то уцы втихомолку, штоб люди не знали» (воистину «Бабы хоромы нигде не стоят»). Если жена подаст прошение в волостной суд, но не добьется отдельного вида на жительство, то «будет бита впятеро».

Многие корреспонденты сходятся в том, что близость фабрики, куда уходят крестьяне на заработки, приводит к безнравственному поведению. Не только Мужья бросают жен и жены убегают от мужей, но встречаются такие вдовы и даже замужние женщины, которые открыто принимают кого угодно в виде промысла. Хотя разводов почти не бывает, но случаи отдельного жительства мужа и жены случаются часто. Причину этого видят в «безпорядочной жизни» одного из супругов.

Вообще народное мнение таково, что всегда осудит женщину (даже если она брошена «заблудившимся на стороне» мужем), осмелившуюся иметь незаконно-рожденного ребенка. В народе его прозовут «крапивником».

Крестьянин и общество

Мирские сходы бывают сельские и волостные. На сельский собираются, как правило, все, не помышляя об отказе. На волостные ходят только выборные — по одному человеку от десяти дворов. Женщины, в большинстве своем, на сход не приходят (за исключением вдов), хотя их присутствие не запрещается. Бывают сходы как регулярные, которые собираются почти каждый воскресный и праздничный день, так и экстренные. На регулярных сходах решаются все текущие вопросы сельской жизни, среди которых может быть наем пастуха, раскладка оброка, раздел покоса, леса, поправка дорог, просьбы о ссуде, выбор общественных должностных лиц и другие вопросы внутриобщинной жизни. Здесь же проводятся аукционы, на которых продают, например, сенокосы, неудобные для общего пользования, обсуждают дела, касающиеся опекунов сирот. Экстренные сходы собираются в том случае, если было произведено то или иное нарушение: погрыва хлебов или порубка леса.

Ведут себя крестьяне на сходах бурно, бывает все, за исключением, пожалуй, драк. Обычно при обсуждении дел общего характера сход проходит спокойно, если же задеваются чьи-либо личные интересы, то «поднимается истинное столпотворение вавилонское». Право «первого голоса» принадлежит, как правило, старосте, после чего дается воля «главарям» (горланам или горлопанам) — эта «партия», по словам крестьян, составляется «по пьяному делу». Впрочем, в некоторых селениях прислушиваются к советам опытных и уважаемых всеми крестьян. Некоторые дела обсуждаются и решаются в соответствии с распоряжением и волей начальства (о проверке общественного магазина, о мирских доходах и расходах и т.п.). Например, по предписанию земского начальника был сделан приговор волостного схода крестьян Ильинского общества о воспрещении поздних ночных гуляний по праздникам. Следуя нравственным устремлениям начальства, крестьяне постановили: «Воскресные и праздничные дни должны посвящаться отдохновению от трудов, почему следует в эти дни более всего воздерживаться от пьянства, разгула и шумных игр, нарушающих покой, а равно воспрещается и ходить в позднее время в нетрезвом виде по улицам, петь песни и сквернословиться, в особенности в присутствии женщин», а посему определено было время гуляний до 9 часов вечера с привлечением к ответу нарушителей через посредство полиции или выборных.

Мнения корреспондентов в отношении покорности крестьян воле начальства расходятся. Если одни считают, что крестьяне против воли начальства не решаются пойти, позволяя себе лишь критические замечания по дороге со схода, то другие утверждают, что крестьянин сдержан и уважителен по отношению к начальству только если он один, «но как только вступает в общество... он делается упрям, настойчив, требователен до приказания, крича во весь голос: „Мир велит, мир велик человек!“».

Все крестьяне подчиняются решениям схода: если решено начать пахоту с 24 апреля, то раньше этого срока никто на пашню не выезжает. Может быть решение продать на 5 рублей травы, а деньги пропить, причем в некоторых деревнях принято непьющим женщинам наливать водку с собой, либо давать взамен водки баранок.

К вопросам о принятии в члены общества крестьяне относятся чрезвычайно серьезно. На волостном сходе Ильинского общества 422 домохозяина слушали предписание губернского начальника о принятии или непринятии в свое общество арестанта, жителя одной из деревень, «лишенного всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ за неоднократные кражи». С общего согласия крестьяне приговорили: «арестанта Матвея Буракова, 45 лет от роду в общество наших крестьян не принимать, причем остающееся на родине за удалением арестанта Буракова семейство его, состоящее из жены его Устины Егоровой, 52 лет, если она окажется несамостоятельной к своему существованию, то мы,

крестьяне, принимаем ее на содержание, в чем и составя сей приговор, и утверждаем своим подписом...». Трудно недооценить в данном случае гуманность приговора Ильинского общества.

Крестьянин и власти

Как правило, явного неуважения к властям, как высшим, так и своим выборным, крестьянами не проявляется. Основная причина недоверия должностному лицу — взяточничество. Вместе с тем бытуют твердые убеждения, что «нельзя тоже без начальства», «не от нас оно», «и в писании вон есть, что властям повинуются». Дальше всех от крестьян земский начальник, который бывает наездами, редко. В некоторых селах есть жители, которые ни разу не видели своего начальника, те же, кто встречая его на улице, кланяются, часто не подозревают — кому. Потому отношение к земскому часто безразличное, но кое-где его побаиваются. То же безразличие наблюдается и по отношению к уряднику, исправнику и становым. Вообще крестьяне предпочитают держаться подальше от властей. В волостном правлении сидит лишь писарь, а волостной старшина находится по преимуществу в своем доме, где и принимает крестьян. Старшина — это уже как бы полный хозяин, он заведует общественными расходами. Однако наиболее деятельным олицетворением власти признается сельский староста. По мнению многих корреспондентов, староста, обладая реальной властью на месте, редко ею пользуется из боязни испортить отношения с односельчанами. Скорее он несет повинность перед крестьянами. Ответственность его велика, буквально за каждую «неотысканную в расходах копейку» отвечает он своим имуществом и даже свободой. Со старостой, как своим выборным, не станут церемониться, если он будет «выказывать власть».

Корреспондент из Юрьевского уезда пишет, например, что однажды староста Аньковского общества распорядился о совершенном прекращении бесед и вечерних гуляний молодежи, но его быстро урезонили. Вскоре им были получены письма с угрозами жизни и «красного кочета» (т.е. поджога), на чем дело и кончилось.

Приезд в село начальства часто остается незамеченным для крестьян. Все приказы сообщаются старостам и старшинам, которые и передают их народу. Непосредственные обращения начальства к крестьянам со своими внушениями и предложениями редки. В таких исключительных случаях крестьяне выслушивают начальство стоя, произнося обычное «слушаем», но думая про себя, однако, примерно так: «Может и исполним, а не подойдет, так ведь над тобой и повыше начальство есть, и жаловаться можно в случае чего». Вообще в народе устойчиво мнение, что правосудие вершат лица, поставленные для того по повелению самого государя, и действуют они на основании законов, им утвержденных. Население края предано самодержавию, и сбить здешний народ с пути преданности престолу едва ли возможно даже отдельными единицами, не говоря уже о массе.

Выходящие из ряда обстоятельств

Так назван В.Н. Тенишевым один из разделов программы, предлагавший корреспондентам охарактеризовать поведение крестьян в той или иной экстремальной, не укладывающейся в обычный распорядок жизни, ситуации. Мы постараемся на материале этого раздела представить «квинтэссенцию» поступков крестьян в чрезвычайных обстоятельствах, а также непосредственную оценку «крестьянским миром» некоторых видов отклоняющегося от повседневных норм (девиантного) поведения.

Причину многих общественных бедствий крестьяне склонны видеть в Божьей каре, к которой относятся со смирением, считая, что раз «Бог посылает — с Богом спорить не станешь». В отдельных случаях (эпидемии, массовый падеж скота)

применяются суеверные охранительные меры. Так, во время эпидемий холеры, пытаясь уберечься, мужчины пили настоенную на перце водку, а женщины молились в церкви по ночам и только там чувствовали себя спокойно. Считается также, что холера — некое злое существо, которое не может проникнуть в село, опухавшее ночью сохой силами вдов и девиц с приговором: «Мы не ангелы, не архангелы, / Мы апостолы, с неба спосланы, / Чудо видели, чудо слышали». Наступлению бедствий, по мнению крестьян, предшествуют разного рода знамения. Рассказывали, что однажды перед падежом скота прилетала стая диких белых гусей — предвестников несчастья, а старики говорили: «Ждите беды, мирские люди!». Для того, чтобы предотвратить распространение падежа, павшую скотину зарывают в хлеву вместе с живой кошкой, окутив место «зажженными гнилушками в черепке».

Из местных бедствий чаще всего случаются пожары, при которых пострадавшие спасают свое имущество, а те, от кого огонь далеко, бегут его тушить (существует также суеверный обычай «делать препятствие» — топить печь подальше от места пожара). Есть твердый обычай помогать миром погорельцам, и либо односельчане и жители окрестных сел сами приносят кто что может, либо погорельцы отправляются по домам «сбирать». Виновный в случившемся пожаре остается безнаказанным, однако укорять его не скоро перестанут. И другое дело, если причиной пожара был поджог, который крестьяне считают тягчайшим преступлением и ставят наравне с убийством. Даже отец относится без сострадания к сыну-поджигателю. Как напримср, по одному делу об умышленном поджоге, в результате которого сгорело десять домов, был вынесен приговор о ссылке преступника в каторжные работы сроком на шесть лет. Отец преступника, присутствовавший на суде в качестве свидетеля, выслушал приговор и, не выразив ни тени сочувствия к сыну, сказал только: «Мало ему, мерзавцу, — без срока надо бы».

Всякое преступление, по народному представлению, греховно. Правда не все, признаваемое законом как преступление, таковым считается по мнению крестьян. Так, например, нарушениями не считаются: прошение милостыни, несоблюдение правил строительного устава, неосторожное обращение с огнем (сравним с отношением к поджигателю), оскорбление чести полиции — сотских и десятских, появление пьяным в публичном месте, нарушение тишины и порядка в суде. В то же время не все нарушения, которые по мнению крестьян совершать, грешно, преследуются законом. Так, в крестьянском быту греховным делом считается работа в праздники, отказ от подачи милостыни, нарушение обещания участвовать в помщи. Употребление нецензурных слов столь же грешно, сколь и употребление скоромного в пост или засев хлеба без благословения. В полной мере преступны и отягощены греховностью убийства, тяжкие увечья, кражи, изнасилования и незаконное сожительство. Преступность кровосмешательства осознается не всегда, особенно если сожители не находятся в прямых степенях родства. К примеру, к свекру, «спувавшемуся грехом» со снохой (снохачу), относятся скорее насмешливо. По народному поверью, новый колокол не поднят на колокольню, если при этом будет присутствовать снохач.

Воруя, считают крестьяне, не от нужды, а от пьянства и лени. При этом на вора, укравшего у богатого, смотрят гораздо снисходительнее, чем на обокравшего бедняка. Больше озлобляются на вора своего, деревенского, чем на чужого. Вместе с тем, обман — дело обычное, и крестьяне обмануть друг друга или надуть городского жителя не считают за грех. Никем не осуждается, а, напротив, считается вполне естественным "подмешивание сала в скоромное масло, добавление известковой воды в молоко, смешивание свежих яиц с тухлыми («город — яма, все прижрет»), поскольку и сами крестьяне нередко покупают у торговцев недоброкачественный товар.

Причины нищенства — лень, болезни или старость. Крестьяне считают почти за грех не подать во всякое время нищему, тем более, что подача милостыни, по народному мнению, служит для очищения от грехов. Подают больше хлебом; за день нищий может насобирать до пяти пудов печеного хлеба и продать его

по 35 коп. за пуд. После такой продажи нередко угощаются в трактире чаем и водкой. Привыкнув легко жить, нищие даже за высокую плату не соглашаются работать, ссылаясь на болезни и немочь. Вместе с тем, есть один вид нищих — это «коты» и «котихи» — народ пьяный и беспутный, многие из которых летом работают у родных в деревне, но потом снова уходят «котовать». Вообще людей спившихся называют «котами».

Причина пьянства — превращение выпивки в обряд: «без блинов не масленица, без вина не праздник», но пить просто за обедом не в обычае. Главный повод для выпивки — проявление товарищества. Как бы то ни было, выпивающие и даже пьяницы перестают пить в Великий пост, однако же с Пасхи сразу начинают пить «во всю ширь русской натуры».

Безусловно, вдумчивому исследователю покажется недостаточным и в какой-то мере фрагментарным подобранный нами к настоящей публикации материал. Но следует при этом иметь в виду, что авторы и не стремились представить всеобъемлющую картину крестьянской жизни, а ограничились попыткой показать глубину и цельность рукописного фонда Этнографического бюро и возбудить заинтересованность этими материалами у социологов (возможно, исследователей современной деревни).

Многие советские ученые, пользовавшиеся материалами Этнографического бюро В.Н. Тенишева, подчеркивали богатство собранных сведений, их фактуальную ценность, разветвленную связь с трудом, культурой, структурами повседневной жизни крестьян [14]. Таким образом, тенишевские материалы позволяют, с одной стороны, делать глубоко научные обобщения и выводы, а с другой — повышают достоверность самих научных исследований, что приводит подчас к поражающему читателей «эффекту присутствия». Впечатления такого рода вполне закономерны. Они во многом производны от качества «крестьянской» программы В.Н. Тенишева, принятой им методологии и ряда методических особенностей, что обусловило репрезентативность собранной информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тенишев В.Н.* Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России на основании соображений, изложенных в его книге «Деятельность человека». СПб., 1897; Смоленск, 1898.
2. *Тенишев В.Н.* «Программа этнографических сведений о городских жителях образованных классов» // Архив Государственного музея этнографии народов СССР (архив ГМЭ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1867—1875.
3. *Начинкин Н.Н.* Материалы Этнографического бюро В.Н. Тенишева в научном Архиве Государственного музея этнографии народов СССР // Сов. этнография. 1955. N 1. С. 161.
4. Архив ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 271. Л. 3—4.
5. Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 94. Л. 16—2.
6. *Чарушин А.А.* Крестьянские переселения в бытовом их освещении // Изв. Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911. N 18. С. 500.
7. СПб. отделение Архива АН СССР. Ф. 176. Оп. 1. Д. 11. Л. 52.
8. Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 14, 20.
9. Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 11. Л.
10. Там же. Ф. 176. Оп. 74, 76.
11. Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 11. Л. 73.
12. Там же. Ф. 176. Оп. Д. 30. Л. 60—66.
13. Архив ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1—117.
14. *Федоров В.А.* Материалы В.Н. Тенишева как источник по истории культуры и быта русского крестьянства (конец XIX — начало XX в.) // Историографические и источниковедческие проблемы отечественной истории. Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Днепропетровск, 1985. С. 54—59; *Покровский Н.Н.* Труд и обычай // Новый мир. 1987. N 12. С. 245; *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX—начала XX в. Л., 1988. С. 16—17.